ным образом на рубеже XIV—XV в., появилось вновь не менее 20 сочинений, которых она дотоле не знала, а если и знала, то в отрывках или извлечениях в сочинениях других авторов.[46] Как правило, это все аскетическая литература, связанная с монастырской традицией.[47] Совершенно очевидно, что на Руси интерес к ней поддерживался в аналогичной среде. Здесь он был порожден ростом пустынных и общежительных монастырей, члены которых нуждались в таких сочинениях больше, чем в каких-либо иных. Не случайно наиболее интенсивный литературный обмен Востока с Россией происходил по каналам, которые связывали Царьград и Афон с Тверью и Москвой, ибо как раз в центральной части северо-восточной Руси общежительных монастырей было особенно много.[48]

Вопросы художественного творчества как для славянских иноков православных монастырей Востока, так и для их корреспондентов, живших на Руси, стояли на втором плане и выражались преимущественно в графике и орнаменте. Совершенство графики всегда ставилось в заслугу каллиграфам, ибо оно способствовало освоению текста читателем и придавало рукописи красоту, достойную ее содержания. Необходимой принадлежностью большинства рукописей равным образом был и орнамент, так как традиция орнаментальных украшений рукописных книг составляла неотъемлемую составную часть мировой письменной традиции. Что же касается влияния на русское книжное искусство монашеских славянских мастерских письма Константинополя и Афона в области лицевой миниатюры, то оно, сравнительно с орнаментом и графикой, отразилось очень незначительно. Греческие и афонские монастыри держались в изобразительном искусстве крайне аскетических взглядов. Сохранившиеся константинопольские и афонские монастырские лицевые рукописи даже в их наилучших образцах — это вещи чрезвычайно догматического характера. Таковы миниатюры теологических сочинений императора Иоанна VI Кантакузина, исполненные (вероятно) на Афоне в Лавре св. Афанасия между 1371 и 1375 гг. (Париж, Национальная библиотека, cod. gr. 1242),[49] и Типика, написанного и украшенного лицевыми изображениями около 1400 г. в одном из константинопольских монастырей (Оксфорд, Bodl. Libr. cod. gr. 35).[50] Столь же характерна миниатюра в сербской рукописи «Слов постнических Исаака Сирина», написанной в Лавре св. Афанасия в 1389 г. (ГБЛ, ф. 214, Опт. пуст., № 462).[51] Миниатюра изображает

---

[46] См.: А. И. Соболевский. 1) Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, стр. 17—22; 2) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 17—23.

[47] О характере переводной литературы этого времени см.: В. И. Иконников Исследование о главных направлениях в науке русской истории, стр. 10—14.

[48] Зато Псков, где монастырская жизнь в XIV—XV и даже XVI вв. все еще строилась по «особножитному» принципу и где восточное аскетическое начало и пустынничество было очень слабым, остался от этого движения в стороне (см.: Н. Серебрянский. Очерки из истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 238—239).

[49] О месте и времени написания рукописи см.: Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. — Записки Классического отделения Русского археологического общества, т. IX, Пгр., 1917, стр. 142—146. Лучшие воспроизведения: J. Ebersolt. La miniature byzantine. Paris et Bruxelles, 1926, табл. LIX—LXI; The Art of Byzantium. Text and notes D. Talbot-Rice. Photographs by M. Hirmer. London, 1959, табл. XXXIX и 190.

[50] The Art of Byzantium, табл. XL, 191 и 192.

[51] Эта рукопись происходит из Оптиной пустыни, куда она попала от Леонида Кавелина, члена Иерусалимской русской духовной миссии, в 1858 г. Леонид в свою очередь получил ее в качестве благословения от архимандрита лавры св. Саввы Освященного Иоасафа. Место и время написания рукописи указаны в записи ее писца инока Гавриила (л. 474 об). См.: Леонид, архим. Обозрение рукописей и старо-